

УДК 316.658+316.454.3

АЛЕКСАНДР РЕЗНИК,

доктор социологических наук, главный научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины, Киев

**От социальной напряженности
к протестному поведению:
мотивация участия в коллективных действиях**

Аннотация

В статье рассматриваются личностные механизмы воплощения социальной напряженности в коллективное протестное поведение. На основе эмпирических исследований в Украине автор анализирует социально-психологические аспекты коллективного действия, основывающегося на рациональных, эмоциональных, идентификационных и идеологических мотивах присоединения к протестам или их игнорирования. Воплощение социальной напряженности в протестное поведение зависит от масштабов акции и конфигурации мотивов. Участие в локальных протестах обусловлено прежде всего рациональными мотивами: участники структурируются преимущественно по интересам, когда эмоциональная составляющая их мотивации ограничивается депривационными причинами. В то же время перерастание социальной напряженности в массовые протесты требует такой конфигурации мотивов, которая бы преодолела дилемму рационального расчета присоединения/неприсоединения к коллективным действиям: динамика эмоциональных трансформаций от безысходности к моральному возмущению существующей ситуацией; четкое разделение субъектов конфликта на “своих” и “чужих” с последующей идентификацией с первыми; ценностная и идеологическая солидаризация с протестующими.

Ключевые слова: социальная напряженность, протестное поведение, мотивация участия в коллективных действиях

ОЛЕКСАНДР РЕЗНИК,

доктор соціологічних наук, головний науковий співробітник відділу соціальної психології Інституту соціології НАН України, Київ

**Від соціальної напруженості
до протестної поведінки:
мотивація участі в колективних діях**

Анотація

У статті розглядаються особистісні механізми втілення соціальної напруженості у колективну протестну поведінку. На базі даних емпіричних досліджень в Україні автор аналізує соціально-психологічні аспекти колективної дії на підставі раціональних, емоційних, ідентифікаційних та ідеологічних мотивів приєднання до протестів або їх ігнорування. Втілення соціальної напруженості у протестну поведінку залежить від масштабів акції та конфігурації мотивів. Участь у локальних протестах зумовлюється передусім раціональними мотивами: учасники структуруються переважно за інтересами, коли емоційна складова їхньої мотивації обмежується деприваційними причинами. Натомість переростання соціальної напруженості у масові протести потребує такої конфігурації мотивів, яка б додала дилему раціонального розрахунку приєднання/неприєднання до колективних дій: динаміка емоційних трансформацій від почуття безвиході до морального обурення наявною ситуацією; чітке розмежування суб'єктів конфлікту на "своїх" і "чужих" з подальшою ідентифікацією з першими; ціннісна та ідеологічна солідаризація з протестувальниками.

Ключові слова: соціальна напруженість, протестна поведінка, мотивація участі в колективних діях

OLEKSANDR REZNIK,

*Doctor of Sociology, Principal Research Fellow of
Department of Social Psychology of the Institute
of Sociology of the National Academy of Sciences
of Ukraine, Kyiv*

From social tension to protest behavior: motivation for participation in collective actions

Abstract

The article deals with personal mechanisms of social tension implementation into collective protest behavior. The author analyzes the socio-psychological aspects of collective action on the basis of rational, emotional, identification and ideological motives of joining or neglecting protests on the example of empirical research in Ukraine. The embodiment of social tension in protest behavior depends on a scale of the action and a configuration of the motives. Participation in local protests is determined primarily by rational motives: participants are structured mainly by interests, when the emotional component of their motivation is limited to deprivation reasons. Instead, a growth of social tension in mass protests requires such a configuration of motives that would overcome the dilemma of rational calculation of joining/non-joining collective actions: the dynamics of emotional transformations from hopelessness to moral disturbance to the existing situation; a clear separation of subjects of conflict into "their" and "strangers" with subsequent identification with the first; value and ideological solidarity with the protesters.

Keyword: *social tension, protest behavior, motivation of participation in collective actions*

Вступление

Явление социальной напряженности можно рассматривать как состояние неудовлетворенности социальных субъектов в отношении собственных потребностей и интересов, которое формируется в ходе социального взаимодействия посредством сравнения собственных ожиданий с реальностью и становится основой интерпретации этой реальности как несправедливой.

В отличие от социального конфликта социальная напряженность является закрытой формой столкновения интересов социальных субъектов. Осознание отсутствия других путей преодоления актуализированной социальной напряженности не оставляет иного выхода, как попробовать достичь цели протестным путем.

В функционалистском подходе социальная напряженность рассматривалась преимущественно как источник формирования разных поведенческих феноменов в контексте формирования социальных институтов. Напряженность, как правило, остается латентной, когда нет возможности для коллективного действия. По мере роста напряженности увеличивается вероятность институционализации источника напряженности в коллективное действие. В частности, формирование индустриальной системы производства привело к разрушению многих типов трудовых отношений, введению незнакомых трудовых дисциплин и экономической нестабильности. В результате этого социальная напряженность воплотилась в возникновение групп интересов и создание профсоюзов, действие которых должно было уменьшить интенсивность напряжения [Sugarman, 1969]. В конфликтологическом подходе, напротив, напряженность считалась естественным явлением социальных изменений и модернизации общества. Социальные отношения во всех социальных системах продуцируют неравенства в распределении ценных ресурсов. Напряженность между теми, кто не имеет этих ресурсов, и теми, кто заинтересован в их сохранении и обеспечении дополнительных ресурсов, перерастает в конфликт. Вследствие конфликта происходит изменение как в сфере общественных отношений, так и в структуре социальной системы [Turner, 1985: р. 31–34]. На Западе социальные исследователи концентрируют внимание на межгрупповых отношениях, пытаются математически определить уровень социальной напряженности, представляющей собой совокупный антагонизм между бедными и богатыми [Lee, Shinb, 2016; Kakwani, Son, 2016]. Таким образом, различие этих двух подходов состоит в том, что социальная напряженность как проявление определенной дисфункции социальной системы рассматривается как источник либо дальнейшей стабилизации, либо конфликта. Впрочем, это не дает достаточного объяснения того, когда социальная напряженность переходит в русло стабилизации, а когда перерастает в протестное поведение. Даже в условиях существования социальной напряженности организация протестов часто не находит отклика среди рядовых граждан. Речь идет о том, что при определенных условиях социальная напряженность имеет мобилизационный потенциал и способствует массовому присоединению к протестующим, а при других — мобилизация на основе социальной напряженности отсрочивается или же блокируется.

Эмпирическое сравнение детерминант социальной напряженности и массовых протестов в Украине показало, что протестный потенциал социальной напряженности обусловлен преимущественно депривационными (негативные оценки жизненной и политической ситуаций) и когнитивными (интерес к политике, политическая эффективность) факторами, которые играли решающую роль даже накануне массовых протестов. При этом массовые протесты (Оранжевая революция и Революция Достоинства) стали проявлением коллективного недовольства, когда ключевую роль в участии в массовых протестных действиях сыграли структурные факторы: ре-

гиональная принадлежность, геополитические ориентации, языковые идентичности и практики (подр. см.: [Резнік, 2011; Reznik, 2016; Резнік, 2017а; Резнік, 2017b; Резнік, 2017с]). В то же время протестное массовое поведение сопровождалось влиянием когнитивных факторов, которые оказались эффективными, как и в случае протестного потенциала. Очевидно, что структурные размежевания не возникают в момент коллективных действий, а формируются путем социального сравнения. Однако невозможность их фиксации в качестве определяющих факторов социальной напряженности указывает на недостаток исследовательского внимания к личностным механизмам вовлеченности/невовлеченности в протестные действия.

Принимая личность за единицу анализа, социальные психологи указывают на ограниченность структурных объяснений. Нахождение на одинаковой структурной позиции не обязательно обуславливает одинаковое поведение. Аналогично, находясь в одинаковой ситуации, люди различаются способами реагирования на нее: одни могут идентифицировать себя с группой интересов, а другие — нет. Более того, даже одинаковое групповое поведение не предполагает с необходимостью одинаковый мотивационный и эмоциональный фон, сопровождавший присоединение индивида к коллективным действиям.

Таким образом, целью данной статьи является попытка объяснить, как мотивационные механизмы сочетают обусловленный депривационными и когнитивными детерминантами протестный потенциал социальной напряженности с протестным поведением, детерминированным преимущественно структурными факторами. Основным социально-психологическим вопросом, связанным с коллективными действиями, является выяснение того, почему некоторые индивиды присоединяются к протестам, тогда как другие остаются пассивными.

Мотивы присоединения к коллективным протестам

В течение постреволюционных лет после Евромайдана социологические опросы фиксировали высокий уровень социальной напряженности и отсутствие серьезных массовых протестных выступлений. Угроза “третьего Майдана” на фоне резкого снижения материального благосостояния большинства населения и факты коррупции в высших эшелонах власти стали объектами постоянного внимания экспертной среды. Среди причин, почему социальная напряженность не переросла в протестное поведение, обычно называют войну, разочарованность населения и его тотальное недоверие ко всем, включая оппозиционных представителей политического класса. Однако недоверие к оппозиции существовало и до Евромайдана, а попытки оппозиции организовать протесты предпринимаются постоянно, поскольку это элемент политической борьбы. Очевидно, что проблема перерастания социальной напряженности в протестное поведение кроется в мотивации присоединения рядовых граждан к инициированным политическими деятелями или общественными активистами протестным акциям или их игнорирования.

Рассматривая социально-психологические механизмы, способствующие или мешающие переходу социальной напряженности в протестное поведение, нужно учитывать многолетний опыт исследования мотивов вовлеченности в коллективные действия в социальных движениях. Ученые опре-

делили четыре общих мотива коллективного действия — рациональность, идентификацию, эмоции и идеологии [Gamson, 1992; Tyler, Blader, 2000; Van Zomeren, Postmes, Spears, 2008; Van Stekelenburg, Klandermans, Van Dijk, 2009; Van Stekelenburg, Klandermans, 2010; Jasper, 2011]. Эти мотивы могут переплетаться и сочетаться в разной конфигурации и становиться движущей силой мобилизации накопленной социальной напряженности в протестное поведение.

1. *Рациональность*. Рациональный подход к изучению мотивов участия в коллективных действиях разрабатывался путем объединения теории коллективных действий с моделями ожидаемой цены, что оказалось плодотворным подходом для систематического анализа разнообразия убеждений, ожиданий и взглядов индивидов, участвующих в принятии решения об участии в коллективных действиях. В частности, имела место попытка объединить социально-психологический подход с теорией мобилизации ресурсов с акцентированием внимания на индивидуальном уровне. Особенно это касается “взвешивания” затрат и выгод. Участие в социальном движении рассматривалось как рациональный выбор на основе ожиданий того, что протест принесет определенные ценные результаты. Б.Кландерманс применил *теорию ожидаемой цены* (expectancy-value theory). Эта теория пытается связать действие с восприятием привлекательности или неприятия ожидаемых последствий, где ключевыми элементами становятся ожидаемые результаты и ценность этих результатов. Соответственно, данная теория как бы дополняет теорию рационального действия, используя понятия “коллективные выгоды” и “избирательные выгоды”. Человек будет участвовать в социальном движении, если знает о возможностях участия, если он способен воспользоваться одной или более из этих возможностей и если он желает так поступить. Именно последнее условие стало для Кландерманса важным звеном объяснения. Ведь одной из фундаментальных проблем является то, что люди должны принять решение об участии в определенный момент, когда они не знают, будут ли в нем участвовать другие. То есть люди руководствуются ожиданиями о потенциальном количестве участников, ожиданиями в плане собственного вклада в вероятность успеха и ожиданиями касательно вероятности успеха, если многие люди примут в нем участие [Klandermans, 1984]. Другим измерением рациональности является рассмотрение эффективности коллективных действий на основе личностных ожиданий того, что посредством протеста можно изменить определенные условия или определенную правительственную политику [Gamson, 1992].

Тема рациональности как взвешенного взгляда на возможное непосредственное участие в протестах часто перекликается с исследованиями “*структуры политических возможностей*” (political opportunities structure) для коллективного действия, концентрирующимися на том, как политические возможности и уровень репрессивности власти влияют на появление новых социальных движений протеста, могут обуславливать или подавлять гражданскую активность [Eisinger, 1973; Kitschelt, 1986; McAdam, 1996]. Отсюда, важным элементом рационального мотива участия в коллективных действиях является политическая эффективность — когнитивное ощущение, что совместное действие сможет преодолеть существующую проблему. Влияние когнитивных факторов социальной напряженности объясняет начальный этап формирования неудовлетворенности. Формирование опреде-

ленного мнения оказывается не только результатом интерпретации социальной и политической информации, но и того, что люди постоянно занимаются сложным социальным процессом построения реальности. Восприятие членами группы того, что они разделяют общую обездоленность, является важным шагом к коллективным социальным и политическим действиям.

В случае, когда политический режим ужесточает законодательство в отношении участия в несанкционированных митингах, существенно сужаются мотивы присоединения к протестам, поскольку серьезные репрессии со стороны правоохранительных органов или неофициальных, криминальных силовых структур отпугивают потенциального участника. С другой стороны, продолжительность такого противодействия невелика, поскольку заблокированность как конвенционных, так и неконвенциональных каналов выражения своей свободы в итоге максимализирует уровень социальной напряженности и подталкивает к радикальным и насильственным действиям.

Основным ограничением этого подхода является пренебрежение социальными и идеологическими аспектами коллективных действий. Непродолжительные всплески протестной активности еще можно объяснить рациональными мотивами, однако сквозь призму рациональности трудно интерпретировать протестную активность в случае длительных конфликтов. В этих случаях те, кто присоединяется к социальному движению, часто несут физическое, финансовое и социальное бремя и, как правило, полностью осознают тот факт, что выгода, которую они могут получить, окажется незначительной [Kelly, Breinlinger, 1996]. Мотивация участия в коллективных действиях на почве одной только рационализации собственных интересов обычно срабатывает в локальных, узкоспециализированных протестах. Инструментальность этой мотивации заключена в отстаивании экономических, корпоративных, профессиональных или экологических прав, увеличения государственного финансирования отрасли и т.п. Присоединение к этим протестам часто активизируется руководством организаций или профсоюзами. Собственно, в подобных случаях дилемма о том, присоединятся ли другие, не стоит.

2. *Эмоции.* Эмоциональный фон является важным элементом как усиления уже существующей депривации, так и делегитимационным фактором общественного порядка. Дилемма участия или неучастия в массовых протестах преодолевается в случае усиления эмоционального фактора, когда социальная напряженность сочетается с эмоциональным регулированием и групповой гнев достигает катарсиса, который нивелирует подсчет выгод и затрат от участия, снижает опасения репрессий и делает неактуальными колебания касательно недостаточности участников протестов. Рост негативных и снижение положительных эмоций ставит под вопрос лояльность действующему правительству или властным структурам. Когда достижение определенной цели блокируется некой внешней силой, это приводит к ощущению фрустрации. К возможным реакциям на такие чувства фрустрации относятся действия, направленные на то, чтобы внешняя сила сняла блокаду или чтобы просто наказать эту силу ради достижения цели [Berkowitz, 1972]. Исследователи обратили внимание на эмоциональные процессы, которые канализируют страх и гнев в моральное негодование и политическую активность. В частности, эмоциональную основу имеет концепция *“внезапно привнесенных притеснений”* (suddenly imposed grievances), объясняющая неожиданную мо-

билизацию людей через сингулярные события, драматизирующие и повышающие политическую значимость отдельных вопросов [Walsh, Warland, 1983; McAdam, Tarrow, Tilly, 2001: p. 201–204]. Речь идет о стремительном распространении всеобщего ощущения несправедливости, вызванного неким сингулярным событием. Обычно такие события характеризуют фразеологизмом “на ровном месте”, когда что-то происходит, на первый взгляд, безосновательно или без каких-либо видимых причин.

Иным видением эмоциональных мотивов коллективных действий является концепция “*накопленных притеснений*”, когда массовые волнения спровоцированы событием, имеющим черты “последней соломинки” в продолжительном движении злоупотреблений, что в конечном счете нивелирует легитимность действующего правительства [Beissinger, 2011]. Вовлечение в протест “обычных” граждан является реакцией на длинную цепь процессов, включая серьезную кризисную ситуацию, протесты активистов, силу оппозиции и слабость правительства, и, наконец, массовые нарушения гражданских прав. Эти процессы происходят одновременно и комплексно, приводя к прорыву коллективного порога политического терпения, моменту невозврата, когда в обществе болезненно ощущается ограничение гражданских прав, массово мобилизуя “рядовых” граждан [Onuch, 2011].

Эмоции функционируют как ускорители или усилители мобилизации, ускоряя формирование коллективных действий или делаая “звучание” протеста более заметным. Это означает, что благодаря эмоциям мотивы вхождения, нахождения или выхода из социального движения развиваются быстрее, а усиление означает, что эти мотивы усиливаются [Van Stekelenburg, Klandermans, 2010: p. 183]. Надежда на позитивное решение проблем в ближайшем будущем блокирует мобилизационные механизмы социальной напряженности, тогда как восприятие ситуации как не имеющей позитивного разрешения усиливает мотивацию вплоть до бунта.

3. *Идентификация*. Основная идея этого подхода заключается в том, что мотивация участия в коллективных действиях определяется через идентификацию личности с протестующими. Мотивация присоединения к протесту сопровождается идентификацией себя с активистами и осознанием сходства и общей судьбы с ними. Взаимосвязь когнитивных факторов социальной напряженности с идентичностью прослеживается в теории социального сравнения, когда мнения, верования и аттитюды являются “правильными” и “действительными” в той мере, в какой они закреплены в группе людей с подобными верованиями, мнениями и отношениями [Festinger 1950: p. 272]. Коллективная идентификация создает эмпатию и общие эмоции, которые усиливают ощущение внутреннего долга вести себя как ответственный член группы [Gould, 1995; Van Stekelenburg, Klandermans, 2013]. Иными словами, участие в коллективной деятельности рассматривается как способ показать, кто “мы” есть и за что или против чего “мы” выступаем. Это зависит от меры идентификации себя с активистами и признания справедливости их требований. О существовании угрозы протестов можно говорить тогда, когда осознание индивидом своих интересов приводит к социальной поляризации: происходит идентификация с референтной группой (“мы”) и выделение антагонистов (“они”), которые могут представлять иную социальную группу (например, политический класс).

Исследования показали, что идентификация со специфическим социальным движением оказалась более действенным фактором участия в движении, чем идентификация с более широкой категорией протестов, в частности массовыми выступлениями, которые требуют более политизированной формы коллективной идентификации с самим социальным движением. В условиях низкого уровня социальной напряженности готовность к мобилизации проявляют те, кто четко идентифицирует себя с членами организации социального движения, тогда как в более конфликтные времена возможно участие тех, кто идентифицирует себя с более широкими категориями социальных групп [Simon et al., 1998]. В условиях высокого уровня социальной напряженности идентификация через структурные размежевания увеличивает желание участников группы принимать участие в коллективных действиях.

Также было выявлено, что люди более мотивированы к участию, когда идентификация с ущемленной группой со временем переводится на идентификацию с определенным социальным движением [Simon, Klandermans, 2001]. То есть чтобы коллективные идентичности стали движущей силой коллективных действий, они должны политизироваться путем осознания общей обездоленности. Эта политизация проходит успешнее, когда четко обозначен объект этой обездоленности и способ ее компенсации. Когда самоопределение изменяется от личной к социальной идентичности, групповая норма участия становится решающей; чем больше индивид идентифицируется с группой, тем больший вес для него будет иметь эта групповая норма, которая и приведет к “внутреннему долгу” участвовать от имени группы. Отсутствие идентификационной поляризации и ее слабая политизация ограничивают это присоединение.

4. *Идеологии.* Если рациональный подход подчеркивает роль прагматического расчета, идентификационный подход сосредоточен на силе групповой идентификации, а эмоциональный определяет действия через эмоциональное восприятие несправедливости, то идеологический подход указывает на то, что готовность принимать участие в коллективных действиях опирается на ценности. Идеологические или символические аспекты буржуазных революций в значительной мере были порождены противоречиями в идеологическом обосновании абсолютной монархии, особенно несоответствием традиционной или полутрадиционной легитимности принципам Просвещения, несущим зерна новых культурных установок [Eisenstadt, 1992]. Именно неспособность режимов идеологически обосновать свою традиционную легитимность и противопоставить ее новым ценностным принципам порождала революционные процессы. Идеологическая мобилизация участников протеста касается ценностей людей и оценки того, что эти ценности были нарушены. Люди возмущаются, руководствуясь чувством морального неприятия определенных явлений или правительственных решений. Это ведет к защите своего достоинства и моральной целостности жизни путем участия в социальном движении. Как отмечает В.Ищенко, подход к идеологии как культурной или символической структуре или сети базируется на предположении, что символы, концепты, представления в культурном контексте действия существуют не в случайном порядке, а сгруппированы в кластеры, имеющие определенную логику структурирования [Ищенко, 2007: с. 199].

Готовность людей принимать участие в политическом протесте в значительной мере зависит от того, воспринимают ли они политический режим как нелегитимный в том смысле, что его деятельность противоречит фундаментальным ценностям [Van Zomeren et al., 2004]. Считается, что личный набор ценностей индивида сильно влияет на то, как, например, воспринимается и оценивается предложенная оппонентами правительства политика, ее цели и средства. Мобилизация возможна в условиях идейного (идеологического) сродства с протестующими [Ward, 2016]. В то же время в процессе кардинальных социальных трансформаций распространяется состояние аномии, которое, по мнению Р.Дарендорфа, делает невозможным сам массовый конфликт, поскольку в современных обществах происходит индивидуализация социального конфликта [Дарендорф, 2006: с. 57–73]. Критичный уровень протестного потенциала — уровень перехода к коллективным действиям — возникает в случае срабатывания мотивации на идеологической, ценностной основе. Наличие идеологических мотивов создает чувство внутреннего морального долга в отношении морального обеспечения целостности требований, к которым толкает нереализованная социальная напряженность. Поддержка моральной целостности подпитывает чувство внутреннего морального долга перед собой, в отличие от внутреннего социального долга перед другими членами группы, обусловленного идентификацией с группой.

Мотивация протестной мобилизации в Украине: отличия в масштабах и продолжительности акций

Социально-психологическая почва коллективного действия указывает не только на случаи перерастания социальной напряженности в протесты, но и на условия, при которых мобилизация, как правило, блокируется. Большинство населения Украины в 1990-е годы не было заинтересовано в принципиальных социальных трансформациях. Несмотря на тяжелые условия выживания людей, в стране удалось создать режим относительной политической стабильности, при котором стандартом политического поведения населения было неагрессивное возмущение непопулярной властью. Стабилизационным фактором начального этапа постсоветской трансформации стал феномен двойной институционализации, который сдерживал “новых” и “старых” социальных акторов [Головаха, Паніна, 2001]. Кроме того, распространение всеобщей депривации населения не переросло в относительную депривацию, поскольку такой движитель социальной напряженности требует хотя бы минимального, но стабильного роста экономического благосостояния. Доминирование практик выживания хоть и создавало благоприятный для протестов эмоциональный фон, но все равно приглушало идентификационные мотивы. Идентификация с большими социальными группами не могла стать основанием для массовых протестов, поскольку социальная структура находилась в процессе кардинальных изменений. То, что высокий уровень социальной напряженности в 1990-х годах не перерос в массовое протестное поведение, объясняется также распространением аномии и социального цинизма, которые дистанцировали население как от реваншистских, так и от реформистских призывов к смене тогдашнего социального строя. Население проявляло индифферентность к

любой политической силе, что стало основой стабилизации слабоинтегрированного общества [Резнік, 2005а].

Усиление протестных настроений произошло в 2001 году, когда на фоне улучшения макроэкономических показателей вследствие “кассетного скандала” обнажились политические причины недовольства населения. Несмотря на рост интереса к политическим коллизиям, в четкие структурные основания это неудовлетворение не оформилось. В частности, оказалось, что респонденты, которые себя идентифицировали как “граждане Украины”, в меньшей мере доверяли версии инициаторов “кассетного дела” о причастности высших должностных лиц страны к исчезновению журналиста Г.Гонгадзе, чем те, кто называл себя “граждане бывшего СССР” [Резнік, 2005b: с. 222–223]. Возможно, именно то, что продемократические требования протестующих еще не сочетались с национальной (гражданской) идентичностью, не дало массового импульса протестной акции “Украина без Кучмы”.

Коллективная мобилизация во время Оранжевой революции, вызванная массовыми фальсификациями на президентских выборах, основывалась на широком спектре мотивов. Стремление к переменам после долгой эпохи Л.Кучмы подпитывали прежде всего эмоциональные мотивы участия в протестных действиях. М.Байссингер отмечает, что участники в большей степени были мотивированы общим презрением к действующему режиму и “накопленными притеснениями”, нежели склонностью к демократическим ценностям [Beissinger, 2011; Beissinger, 2013]. Коллективная мобилизация в дни Оранжевой революции была вызвана неудовлетворенностью затяжным пребыванием на должности президента Л.Кучмы. Накануне президентских выборов 2004 года вероятность победы основных кандидатов вызвала опасения и страхи разного характера. Если победа В.Ющенко вызывала опасения русскоязычных в плане возможности говорить на родном языке, то потенциальная победа В.Януковича обусловила страх утратить возможность свободно выражать свои взгляды, страх утратить свою безопасность и своих детей [Резнік, 2005с].

Пророссийская инициатива В.Януковича касательно предоставления русскому языку статуса второго государственного, а украинским гражданам — двойного гражданства с Россией мобилизовала его противников на почве угрозы национальной идентичности. Протестная активность во времена Оранжевой революции четко продемонстрировала региональную поляризацию с ее этнокультурными особенностями, что дало основания говорить об идентификационных мотивах [Beissinger, 2013; Reznik, 2016].

Вместе с тем структурные изменения, которые произошли в украинском обществе в посткоммунистический период, выделили новые социальные группы, которые не воспринимали ориентацию на реставрацию тоталитарных процессов. За годы независимости Украины сформировался молодежный слой, который по своему проевропейскому мировоззрению, уровню образованности и овладению украинской идентичностью уже существенно отличался от других возрастных групп, социализация которых преимущественно проходила во времена СССР. Активную поддержку “оранжевому” Майдану со стороны группы средних предпринимателей и собственников, для которых главными побудительными факторами протеста были стремление к свободе экономической деятельности и либерализации экономики, обусловило чувство опасности для собственного бизнеса, учи-

тывая угрозу поглощения его криминальным капиталом, которую воплотил провластный кандидат [Симончук, 2005].

Не менее важной в 2000-е годы была сформированная общественная убежденность в слабом репрессивном характере украинского правительства, что безусловно способствовало протестной активности граждан. Даже с приходом к власти В.Януковича существовала убежденность в мягкости авторитарного режима. В частности, в конце 2011 года было зафиксировано преобладания тех, кто не опасался репрессий или применения силы при разгоне митингов и демонстраций [Резник, 2012: с. 161]. Собственно, когда политический режим перестает быть эффективным, люди эту неэффективность и слабость ощущают, и это толкает к большему участию.

Благоприятный эмоциональный фон для коллективных протестов прослеживался накануне Евромайдана. Опросы Института социологии НАН Украины зафиксировали динамику ответов респондентов на вопрос о том, какие чувства преобладают у них, когда они думают о собственном будущем (вопрос впервые задавался с 2010 года) и о будущем Украины (вопрос впервые задавался с 2012-го). Из перечня эмоций, которые отмечали респонденты, точнее всего воссоздают эмоциональный фон накануне Евромайдана такие психологические состояния, как “надежда” и “безысходность” (см. рис. 1–2). Респонденты в своих ответах указывали на свои ощущения касательно собственного будущего: начиная с 2010 года показатель “надежды” снижался, а показатель “безысходности” возрастал, достигнув соответственно минимальной и максимальной отметок в 2013 году, учитывая дальнейшую стабилизацию в последующие годы. Аналогично 2013 год оказался критическим в оценках респондентов относительно ощущения “надежды” или “безысходности” и относительно будущего Украины.

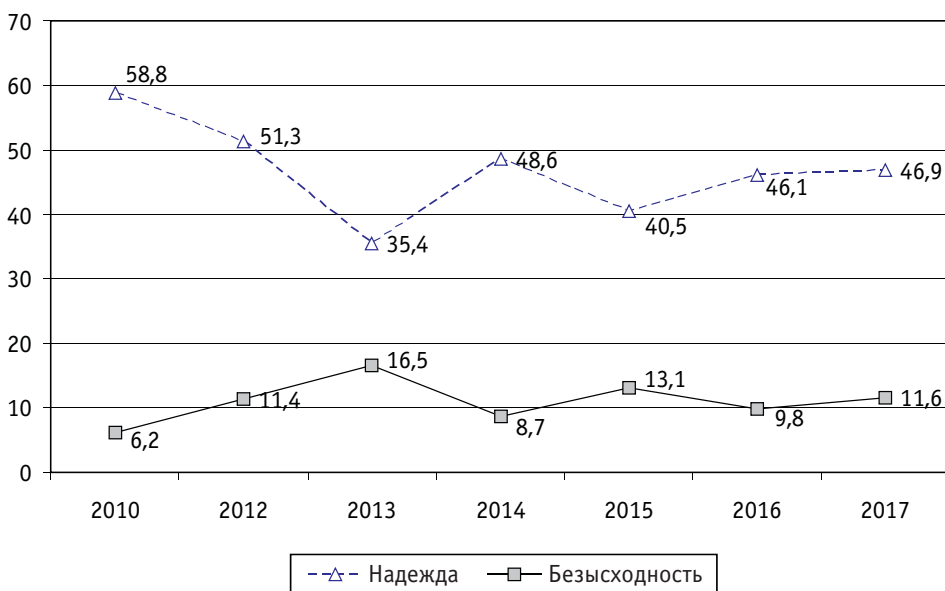

Рис. 1. Динамика эмоциональных состояний “Надежды” и “Безысходности” в ответах населения Украины на вопрос “Какие чувства возникают у Вас, когда Вы думаете о своем будущем?”, %

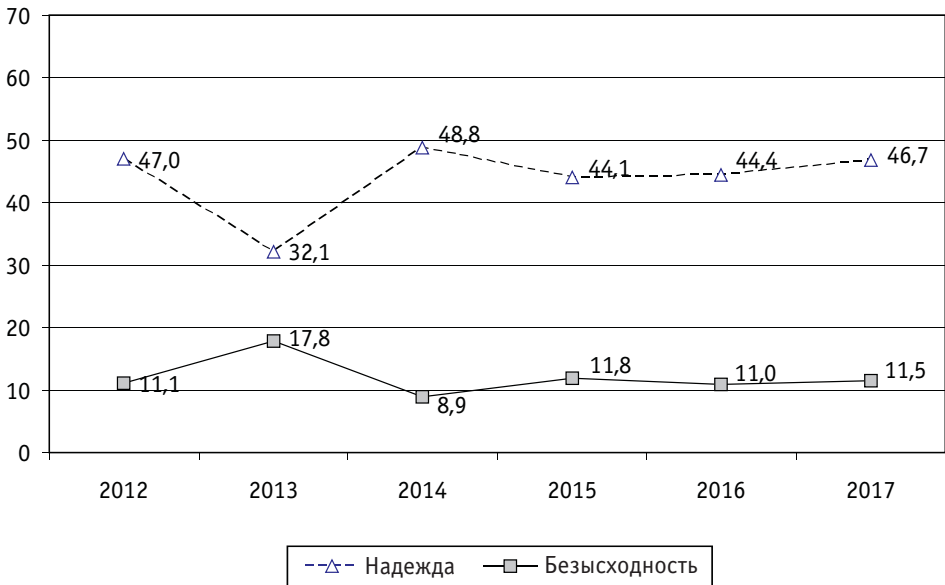

Рис. 2. Динамика эмоциональных состояний “Надежды” и “Безысходности” в ответах населения Украины на вопрос “Какие чувства возникают у Вас, когда Вы думаете о будущем Украины?”, %

Эти две эмоции являются важными “драйверами” мобилизации или демобилизации в случае существования социальной напряженности. Надежда определяется как положительное эмоциональное состояние, связанное с ожиданием удовлетворения потребностей, тогда как безысходность — это восприятие ситуации как не имеющей положительного разрешения [Злобіна, 2014а: с. 380]. Переживание надежды блокирует переживание безысходности, поскольку связано с восприятием неудач как временных, продуцируемых специфическими условиями отдельной ситуации. Соответственно переживание безысходности ограничивается во времени и пространстве и остается признаком конкретной ситуации, а не общего положения дел. Именно колебания этих эмоциональных состояний показали очевидную особенность ситуации в 2013 году. Собственно говоря, комбинации и взаимодействие противоположных эмоций имеют решающее значение для коллективного действия. В частности, как отмечает Дж.Джаспер, болезненный контраст между тем, как все происходит сейчас и как все может быть в будущем, помогает мотивировать протест, чем пользуются наиболее успешные организаторы акций [Jasper, 2011: р. 291].

Именно начальный этап Евромайдана показал решающее значение эмоциональных мотивов обращения людей к коллективным действиям. Массовые протесты были спровоцированы избиением студентов 30 ноября 2013 года. Возмущение этим событием стало ключевым мотивом выхода людей на улицы по всей Украине [Майдан, 2013; Злобіна, 2014b]. Одним из мобилизационных трендов эмоциональных трансформаций, толкавших людей к коллективным действиям, была эмоциональная цепь “злость — вера — сплоченность” [Злобіна, 2017: с. 46]. Впрочем, длительность и настойчивость протестных действий обеспечивались также идентификационными мотивами.

Как и в случае Оранжевой революции, ключевыми факторами участия в протестных действиях во время Революции Достоинства стали региональные и геополитические идентичности. Причем геополитические ориентации приобрели в украинском обществе черты определенных ценностных идеологем. Эти идеологемы в полной мере сочетались с другими идеологемами: со времен независимости Украины у протестующих чуть ли не впервые появилось ценностно-рациональное осмысление преимуществ демократии и рыночной экономики [Rezник, 2016]. Более того, особенностью последней революции стало то, что участники Евромайдана по своим ценностным устремлениям и мотивациям были ближе к жителям стран Европейского Союза, чем к остальному населению Украины [Sviatnenko, Vinogradov, 2014; Святненко, 2015; Onuch, Sasse, 2016]. Таким образом, мотивация участия в протестах во время Революции Достоинства формировалась из конфигурации эмоциональных, идентификационных и ценностных мотивов, которые в совокупности обеспечили самый большой эффект для масштабного, устойчивого и длительного участия людей в коллективных действиях.

Вместе с тем поддержка Евромайдана нашла отклик среди людей, которые не разделяли проевропейских стремлений. В восточных и южных регионах, где было гораздо меньше приверженцев евроинтеграции, решающую роль сыграли правые и ультраправые группировки [Ishchenko, 2016]. Ядром этих группировок были футбольные фанаты (так называемые ультрас), которые отреагировали на принятие Верховной Радой Украины репрессивных законов 16 января 2014 года, сузивших права фанатской среды. Они активно участвовали в столкновениях на ул. Грушевского в г. Киеве, а позже организовали противодействие так называемым титушкам в крупных городах. То есть в данном случае сработала идентификация со специфическим движением, и присоединение к протестующим не имело ценностной нагрузки.

В постмайданный период высокий уровень социальной напряженности не привел к массовым протестам. Зафиксированные в общенациональном опросе Института социологии НАН Украины¹ протесты в основном имели локальный характер как реагирование на текущие или потенциальные угрозы экономическому благосостоянию и социальной жизнедеятельности (см. табл.). Речь идет об акциях, участие в которых мотивировано интересами конкретных социальных групп. Если не принимать во внимание сугубо политические протесты, большинство этих протестных мероприятий отражают по содержанию проблемы конкретных социальных групп.

Анализ экономической дифференциации участия в “постмайданных” протестных мероприятиях продемонстрировал, что социальная напряженность среди малообеспеченных слоев возникала на почве фактической обездоленности, тогда как среди обеспеченных людей социальная напряженность формировалась на почве относительной или потенциальной обездоленности. Отсутствие элементарных условий жизнедеятельности актуально в большей

¹ Общенациональный опрос Института социологии НАН Украины “Омнибус-2017”, проведенный совместно с Благотворительным фондом “Интеллектуальная перспектива”, который продолжался с 3 июня по 26 июля 2017 года, по квотной выборке, репрезентативной для взрослого населения. Опрос проводился во всех областях Украины (кроме АР Крым и оккупированных территорий Донецкой и Луганской областей) методом личного интервью по месту проживания респондентов. Всего было опрошено 1800 респондентов. Погрешность выборки не превышает 2,3%.

мере для бедных слоев, тогда как политические проблемы вызывают напряжение среди обеспеченных слоев населения [Резнік, 2017с]. Здесь проявилось структурирование протестующих по группам интересов. В этом случае было нереальным формирование межгрупповой солидарности на общей ценностной основе, поскольку протесты мотивированы скорее рациональными соображениями. Впрочем, отсутствие положительных результатов этих акций увеличивает потенциал “накопленных притеснений”, которые в соответствующий момент могут проявить свой кумулятивный эффект.

Таблица

Ответы населения Украины на вопрос “В каких протестных мероприятиях Вы лично участвовали в течение последних 12 месяцев?”, 2017

Содержание протестных мероприятий	N	%
Против повышения тарифов на коммунальные услуги	157	8,7
Против торговли с неконтролируемыми Украиной территориями Донбасса	26	1,4
Защита своих трудовых прав, отстаивание прав на пенсионное обеспечение	65	3,6
Против увольнения с работы в связи с закрытием предприятий или учреждений	39	2,2
Против недостаточного финансирования отрасли, в которой Вы работаете	28	1,6
За реструктуризацию валютных кредитов, возвращение средств обанкротившихся учреждений	10	0,6
Противодействие эксплуатации объектов, опасных для здоровья людей	35	1,9
Противодействие незаконной застройке, строительным аферам	33	1,8
Протесты, связанные с требованиями объективного проведения следствия и справедливого судопроизводства	26	1,4
Протесты, связанные с необеспечением нормальных условий жизни в месте Вашего проживания (недостаток детских садов, школ, медицинских учреждений, создание и защита имеющихся зеленых зон, строительство и ремонт дорог и т.п.)	61	3,4
Протесты, связанные с вопиющими фактами коррупции в органах власти	36	2,0
Протесты, связанные с защитой гражданских прав и свобод	69	3,8
Другое	10	0,6
Ни в одном из таких мероприятий участия не принимал	1516	84,3

Угроза “третьего Майдана” часто прогнозировалась по факту накопления негативных эмоций, разочарований и неудовлетворенности властью. Однако ключевыми чувствами, которыми характеризовалась социальная напряженность в “постмайданные” годы, оказались отчаяние и тревога, тормозившие мобилизацию [Злобіна, 2017]. Эмоциональный фон оставался негативным, однако действия властей не давали людям оснований рассматривать свое будущее как безысходное. Перерастание социальной напряженности в массовые протесты замедлялось из-за отсутствия четких идеологических мотивов. В политике власти евроинтеграционный вектор оставался неизменным. Отсутствие идеологически приемлемой альтернативы действующей власти не давало людям с прозападными взглядами почвы для бунта. И хотя проблема коррупции в полной мере воспринимается в массовом сознании как перво-

очередная, все же глубинных, ценностных предпосылок нетерпимости к коррупции как повседневному явлению пока не прослеживается, и она не интерпретируется обществом в терминах морального потрясения. Милитарная риторика и гуманитарная политика власти не давала основания консолидировать недовольство по определенному ракурсу идентификационного мотива: несмотря на существование социальной напряженности в украинском обществе, целесообразность участия в антиправительственных или антипрезидентских акциях часто нивелируется соображениями безопасности, вроде того, что политическая дестабилизация не содействует обороноспособности государства и консолидации общества. Деморализованность представителей населения с пророссийскими убеждениями и их рациональное видение бесперспективности воплощения такой политики в свете последствий войны на Донбассе не дает им возможности консолидироваться. Кроме того, распространение оружия и взрывных устройств удерживает от участия в митингах. Перерастание социальной напряженности в протестное поведение отсрочивается надеждой на способность институциональных возможностей повлиять на государственную политику через выборы.

Выводы

Социальная напряженность возникает в социальных взаимодействиях, для которых характерна неудовлетворенность определенной ситуацией или явлением в социуме. Важными факторами подпитки социальной напряженности являются объективные и субъективные ресурсы, побуждающие индивидов добиваться решения конкретной проблемы. Перманентное кризисное состояние обостряет доступ разных групп к социальным ресурсам и порождает различного рода “размежевания”, “расколы”, “деления” и “различия” крупных социальных групп.

Установлено, что существуют различия между мотивациями участия в массовых протестах и в локальных протестах. Участие в локальных протестах связано прежде всего с депривацией и восстановлением экономической и социальной справедливости. Эмоциональная и моральная составляющие мотивов ограничиваются констатацией фактической или относительной ущемленности. Речь идет о краткосрочных акциях, мотив присоединения к которым имеет преимущественно рациональную почву: участники локальных протестов обычно структурируются по группам интересов. Поскольку сохраняется надежда, что протестная акция будет иметь результат и группа интересов решит свою проблему, эмоции ущемленности не приобретают черт фрустрации. Присоединение к таким акциям людей с различными интересами маловероятно.

Анализ мотивационных механизмов участия в массовых протестах в Украине показал, что эмоциональные настроения накануне таких акций приобретают экзистенциальные формы и проявляются как страх и ощущение угрозы будущей жизни, переживание безысходности. В условиях всплеска протестных акций такой эмоциональный фон перерастает в возмущение и гнев, преодолевая социально-психологические препятствия (недоверие, пессимизм, выгоду) по отношению к коллективным действиям. Моральные мотивы приобретают черты делегитимации: существующая ситуация не вписывается в картину ценностной системы индивида, когда моральная нетерпимость побуждает индивида на социальные взаимодействия, не-

типичные в обычной ситуации. В рамках этой системы прослеживается солидаризация на идеологических основаниях (таких, как политический или геополитический выбор). И самое характерное — к этим мотивам добавляется четкий идентификационный мотив, когда присоединение к протестующим мотивировано тем, что они — “свои”, а их оппоненты — “чужие”. Идентификационный мотив обеспечивает длительное пребывание в лоне протестов, увеличивая потенциал и масштаб протестной акции. Следовательно, благодаря объединению эмоциональных, идентификационных и ценностных мотивов вероятность воплощения социальной напряженности в массовые протесты возрастает.

Источники

Головаха, Є., Паніна, Н. (2001). Пострадянська деінституціоналізація і становлення нових соціальних інститутів в українському суспільстві. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 4, 5–22.

Дарендорф, Р. (2006). *У пошуках нового устрою: лекції на тему політики свободи у XXI ст.* Київ: Вид. дім “Києво-Могилянська академія”.

Злобіна, О. (2014а). Соціальні настрої у довгостроковій та короткостроковій динаміці. *Українське суспільство: моніторинг соціальних змін*, 1 (15), 376–385.

Злобіна, О. (2014b). Емоційна складова суспільних перетворень (на прикладі становлення Майдану). *Соціальні виміри суспільства*, 6 (17), 314–326.

Злобіна, О. (2017). Ланцюги розчарувань: сучасні тренди емоційних трансформацій в українському суспільстві. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 4, 37–52.

Іщенко, В. (2007). Проблема ідеології в соціології суспільних рухів. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 3, 188–201.

Майдан-2013: хто стоїть, чому і за що? Прес-реліз Фонду “Демократичні ініціативи”, 10.12.2013. Отримано з <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=216&page=1&y=2013&m=12>.

Резнік, О. (2005а). Інституціональні чинники стабільності слабоінтегрованого українського суспільства. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 1, 155–167.

Резнік, О. (2005b). Особистість на перетині впливу територіальних ідентичностей. В М. Шульга (Ред.), *Соціальний ареал життя особистості* (с. 209–259). Київ: Інститут соціології НАН України.

Резнік, О. (2005c). Соціально-політичні передумови феномена Помаранчевої революції. *Політичний портрет України*, 33, 5–14.

Резнік, О. (2011). Динаміка громадсько-політичних практик і протестних настроїв в Україні. В В. Ворона, М. Шульга (Ред.), *Українське суспільство: десять років незалежності (соціологічний моніторинг та коментар науковців)*. У 2-х тт., Т. 1: Аналітичні матеріали (с. 216–224). Київ: Інститут соціології НАН України.

Резнік, О. (2012). Урядові реформи у масовій свідомості громадян України. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 2, 151–163.

Резнік, О. (2017а). Соціальна напруженість та масові протести в Україні: відмінність детермінант та механізмів прояву. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 2, 35–58.

Резнік, О. С. (2017b). Відмінності детермінант соціальної напруженості та масових протестів в Україні. В А. П. Горбачик, В. І. Судаков (Ред.), *Проблеми розвитку соціологічної теорії: Структурні зміни і соціальна напруженість. Матеріали XIV Всеукр. наук.-практ. конф.* 25–26 травня 2017 року (с. 139–142). Київ: Логос.

Резнік, О. (2017c). Протести як прояв економічної структуризації соціальної напруженості в Україні. *Українське суспільство: моніторинг соціальних змін*, 4 (18), 138–144.

Святненко, С. (2015). Цінності Євромайдану: порівняльний аналіз. *Соціальні виміри суспільства*, 7 (18), 75–88.

Симончук, О. (2005). Помаранчева революція — повстання середнього класу? ТАК! За даними моніторингу. В В. Ворона, М. Шульга (Ред.), *Українське суспільство 1994–2005. Динаміка соціальних змін* (сс. 62–71). Київ: Інститут соціології НАН України.

Beissinger, M. R. (2011). Mechanisms of Maidan: The Structure of Contingency in the Making of the Orange Revolution. *Mobilization: An International Quarterly*, 16 (1), 25–43.

Beissinger, M. R. (2013). The Semblance of Democratic Revolution: Coalitions in Ukraine's Orange Revolution, *American Political Science Review*, 107 (3), 574–592.

Berkowitz, L. (1972). Frustrations, Comparisons, and Other Sources of Emotion Arousal as Contributors to Social Unrest. *Journal of Social Issues*, 28 (1), 77–91.

Eisenstadt, S. N. (1992). Frameworks of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency. *International Social Science Journal*, 44 (133), 385–401.

Eisinger, P. K. (1973). The Conditions of Protest Behavior in American Cities. *American Political Science Review*, 67 (1), 11–28.

Festinger, L. (1950). Informal Social Communication. *Psychological Review*, 57 (5), 271–282.

Gamson, W. A. (1992). *Talking Politics*. New York: Cambridge University Press.

Gould, R. V. (1995). *Insurgent Identities. Class, Community, and Protest in Paris from 1848 to the Commune*. Chicago: University of Chicago Press.

Ishchenko, V. (2016). Far Right Participation in the Ukrainian Maidan Protests: An Attempt of Systematic Estimation. *European Politics and Society*, 17 (4), 453–472.

Jasper, J. M. (2011). Emotions and Social Movements: Twenty Years of Theory and Research. *Annual Review of Sociology*, 37, 285–303.

Kakwani, N., Son, H. H. (2016). Measuring Social Tension. In N. Kakwani, H. H. Son, *Social Welfare Functions and Development: Measurement and Policy Applications* (pp. 45–76). London: Palgrave Macmillan.

Kelly, C., Breinlinger, S. (1996). *The Social Psychology of Collective Action: Identity, Injustice and Gender*. London: Taylor and Francis.

Kitschelt, H. P. (1986). Political Opportunity Structures and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies. *British Journal of Political Science*, 16 (1), 57–85.

Klandermans, B. (1984). Mobilization and Participation: Social-Psychological Expansions of Resource Mobilization Theory. *American Sociological Review*, 49 (5), 583–600.

Lee, Y., Shin, D. (2016). Measuring Social Tension from Income Class Segregation. *Journal of Business and Economic Statistics*, 34 (3), 457–471.

McAdam, D. (1996). Conceptual Origins, Current Problems, Future Directions. In D. McAdam, J. D. McCarthy, M. N. Zald (Ed.), *Comparative Perspective on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures and Cultural Framings* (pp. 23–40). Cambridge: Cambridge University Press.

McAdam, D., Tarrow, S., Tilly, C. (2001). *Dynamics of Contention*. Cambridge: Cambridge University Press.

Onuch, O. (2011). Why Did They Join En Masse? Understanding 'Ordinary' Ukrainians' Participation in Mass-Mobilisation in 2004. *New Ukraine / Nova Ukraina*, 11, 89–113.

Onuch, O., Sasse, G. (2016). The Maidan in Movement: Diversity and the Cycles of Protest. *Europe-Asia Studies*, 68 (4), 556–587.

Reznik, O. (2016). From the Orange Revolution to the Revolution of Dignity: Dynamics of the Protest Actions in Ukraine. *East European Politics and Societies*, 30 (4), 750–765.

Simon, B., Klandermans, B. (2001). Politicized Collective Identity: A Social Psychological Analysis. *American Psychologist*, 56 (4), 319–331.

Simon, B., Loewy, M., Stürmer, S., Weber, U., Freytag, P., Habig, C., Kampmeier, C., Spahlinger, P. (1998). Collective Identification and Social Movement Participation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74 (3), 646–658.

Stekelenburg, J. van, Klandermans, B., Dijk, W. van. (2009). Context Matters: Explaining How and Why Mobilizing Context Influences Motivational Dynamics. *Journal of Social Issues*, 65 (4), 815–838.

Stekelenburg, J. van, Klandermans, B. (2010). Individuals in Movements: A Social Psychology of Contention. In C. Roggeband and B. Klandermans (Ed.), *Handbook of Social Movements Across Disciplines* (pp. 157–204). Heidelberg: Springer.

Stekelenburg, J. van, Klandermans, B. (2013). The Social Psychology of Protest. *Current Sociology*, 61 (5–6), 886–905.

Sugarman, B. (1969). Tension Management, Deviance, and Social Change. *The Sociological Quarterly*, 10 (1), 62–71.

Sviatnenko, S., Vinogradov, A. (2014). Euromaidan Values from a Comparative Perspective. *Social, Health, and Communication Studies Journal*, 1 (1), 41–61.

Turner, J. (1985). *Sociology: The Science of Human Organization*. Chicago: Nelson-Hall.

Tyler, T. R., Blader, S. L. (2000). Psychological Engagement with the Group. In T. R. Tyler, S. L. Blader (Ed.), *Cooperation in Groups: Procedural Justice, Social Identity, and Behavioral Engagement* (pp. 179–189). Philadelphia, PA: Psychology Press.

Walsh, E. J., Warland, R. H. (1983). Social Movement Involvement in the Wake of a Nuclear Accident: Activists and Free Riders in the TMI Area. *American Sociological Review*, 48 (6), 764–780.

Ward, M. (2016). Rethinking Social Movement Micromobilization: Multi-Stage Theory and the Role of Social Ties. *Current Sociology*, 64 (6), 853–874.

Zomeren, M. van, Spears, R., Fischer, A. H., Leach, C. W. (2004). Put Your Money Where Your Mouth Is! Explaining Collective Action Tendencies Through Group-Based Anger and Group Efficacy. *Journal of Personality and Social Psychology*, 87 (5), 649–664.

Zomeren, M. van, Postmes, T., Spears, R. (2008). Toward an Integrative Social Identity Model of Collective Action: A Quantitative Research Synthesis of Three Socio-Psychological Perspectives. *Psychological Bulletin*, 134 (4), 504–535.

Материал получен 13.04.2018

References

Beissinger, M. R. (2011). Mechanisms of Maidan: The Structure of Contingency in the Making of the Orange Revolution. *Mobilization: An International Quarterly*, 16 (1), 25–43.

Beissinger, M. R. (2013). The Semblance of Democratic Revolution: Coalitions in Ukraine's Orange Revolution. *American Political Science Review*, 107 (3), 574–592.

Berkowitz, L. (1972). Frustrations, Comparisons, and Other Sources of Emotion Arousal as Contributors to Social Unrest. *Journal of Social Issues*, 28 (1), 77–91.

Dahrendorf, R. (2006). *Auf der Suche nach einer neuen Ordnung. Vorlesungen zur Politik der Freiheit im 21. Jahrhundert*. [In Ukrainian]. Kyiv: Kyiv-Mohyla Academy Press. [= Дарендорф 2006]

Eisenstadt, S. N. (1992). Frameworks of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency. *International Social Science Journal*, 44 (133), 385–401.

Eisinger, P. K. (1973). The Conditions of Protest Behavior in American Cities. *American Political Science Review*, 67 (1), 11–28.

Festinger, L. (1950). Informal Social Communication. *Psychological Review*, 57 (5), 271–282.

Gamson, W. A. (1992). *Talking Politics*. New York: Cambridge University Press.

Golovakha, Ye., Panina, N. (2001). The Post-Soviet De-Institutionalization and Emergence of New Social Institutions in Ukrainian Society. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 4, 5–22. [= Головаха 2001]

Gould, R. V. (1995). *Insurgent Identities. Class, Community, and Protest in Paris from 1848 to the Commune*. Chicago: University of Chicago Press.

Ishchenko, V. (2007). The Problem of Ideology in the Sociology of Social Movements. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 3, 188–201. [= Ищенко 2007]

Ishchenko, V. (2016). Far Right Participation in the Ukrainian Maidan Protests: An Attempt of Systematic Estimation. *European Politics and Society*, 17 (4), 453–472.

Jasper, J. M. (2011). Emotions and Social Movements: Twenty Years of Theory and Research. *Annual Review of Sociology*, 37, 285–303.

Kakwani, N., Son, H. H. (2016). Measuring Social Tension. In N. Kakwani, H. H. Son, *Social Welfare Functions and Development: Measurement and Policy Applications* (pp. 45–76). London: Palgrave Macmillan.

Kelly, C., Breinlinger, S. (1996). *The Social Psychology of Collective Action: Identity, Injustice and Gender*. London: Taylor and Francis.

Kitschelt, H. P. (1986). Political Opportunity Structures and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies. *British Journal of Political Science*, 16 (1), 57–85.

Klandermans, B. (1984). Mobilization and Participation: Social-Psychological Expansions of Resource Mobilization Theory. *American Sociological Review*, 49 (5), 583–600.

Lee, Y., Shin, D. (2016). Measuring Social Tension from Income Class Segregation. *Journal of Business and Economic Statistics*, 34 (3), 457–471.

Maidan-2013: Who Stands, Why and What For? Democratic Initiatives Foundation's Press Release, 10.12.2013. [In Ukrainian] <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=216&page=1&y=2013&m=12>. [= Майдан 2013]

McAdam, D. (1996). Conceptual Origins, Current Problems, Future Directions. In D. McAdam, J. D. McCarthy, M. N. Zald (Ed.), *Comparative Perspective on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures and Cultural Framings* (pp. 23–40). Cambridge: Cambridge University Press.

McAdam, D., Tarrow, S., Tilly, C. (2001). *Dynamics of Contention*. Cambridge: Cambridge University Press.

Onuch, O. (2011). Why Did They Join En Masse? Understanding 'Ordinary' Ukrainians' Participation in Mass-Mobilisation in 2004. *New Ukraine / Nowa Ukraina*, 11, 89–113.

Onuch, O., Sasse, G. (2016). The Maidan in Movement: Diversity and the Cycles of Protest. *Europe-Asia Studies*, 68 (4), 556–587.

Reznik, O. (2005a). Institutional Factors Ensuring Stability of the Weakly Integrated Ukrainian Society. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 1, 155–167. [= Резник 2005a]

Reznik, O. (2005b). A Person at the Crossroads of Territorial Identities' Influence. [In Ukrainian]. In M. Shul'ha (Ed.), *The Social Domain of a Person's Life* (pp. 209–259). Kyiv: Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine. [= Резник 2005b]

Reznik, O. (2005c). Sociopolitical Background to the Phenomenon of the Orange Revolution. [In Ukrainian]. *A Political Portrait of Ukraine*, 33, 5–14. [= Резник 2005c]

Reznik, O. (2011). The Dynamics of Civic Political Practices and Protest Moods in Ukraine. [In Ukrainian]. In V. Vorona, M. Shul'ha (Ed.), *Ukrainian Society: Twenty Years of Independence (The Institute's Annual Social Survey and Scholarly Comments)*. In 2 vol., Vol. 1: Analytical Material (pp. 216–224). Kyiv: Institute of Sociology of the NAS of Ukraine. [= Резник 2011]

Reznik, O. (2012). The Government's Reforms in Ukrainian Public Consciousness. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 2, 151–163. [= Резник 2012]

Reznik, O. (2016). From the Orange Revolution to the Revolution of Dignity: Dynamics of the Protest Actions in Ukraine. *East European Politics and Societies*, 30 (4), 750–765.

Reznik, O. (2017a). Social Tensions and Mass Protests in Ukraine: Different Determinants and Manifestation Mechanisms. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 2, 35–58. [= Резник 2017a]

Reznik, O. S. (2017b). The Differences Between Determinants of Social Tensions and Those of Mass Protests in Ukraine. [In Ukrainian]. In A. P. Horbachyk, V. I. Sudakov (Ed.), *Challenges to the Development of Sociological Theory: Structural Changes and Social Ten-*